

**М.И. Лавицкая,
С.В. Тимофеев,
О.В. Ефремова**

Дискурс о терроризме в современном мире: анализ с точки зрения теории секьюритизации

В работе на основе теории секьюритизации проанализированы особенности процесса дискурсивного конструирования угрозы терроризма в современном мире. Делается вывод, что расширительная тенденция в определении терроризма обусловлена влиянием интересов власти либо группы, контролирующей общественный дискурс и желающей упростить борьбу с возможными угрозами своему статусу через неправомерное причисление любых серьезных угроз к террористическим и легитимацию репрессивных мер против них.

Ключевые слова: терроризм; безопасность; дискурс; теория секьюритизации.

Обзорные работы по терроризму постоянно обращают внимание на отсутствие даже примерного единства в исходных понятиях, используемых в разных исследованиях. Так, М.В. Назаркин отмечает наличие более 100 определений терроризма [6: с. 27], зачастую различающихся концептуально. До недавнего времени такой широкий диапазон трактовок можно было объяснить многомерностью и сложностью самого явления, а также постоянной эволюцией терроризма в ответ на развитие общества и совершенствование способов борьбы с террором [5: с. 34]. В этом случае различные определения должны отражать разные грани терроризма либо разные исторические стадии его проявлений. Тем не менее противоречия, а иногда несовместимость конкурирующих определений, а также постоянные споры о том, можно ли относить то или иное явление к терроризму, указывают на наличие конфликтующих интересов в анализе проблемы и заставляют исследовать не только терроризм, но и сам по себе процесс причисления различного рода явлений к терроризму и формирование реакции общества и государства на эти явления после определения их как террористических.

Следует подчеркнуть, что нетривиальным является сам по себе тезис о том, что определенное явление может осознаваться или не осознаваться обществом как опасное, причисляться или не причисляться к терроризму. Нетривиально и наблюдение о том, что процесс перехода какого-либо явления в сознании общества из разряда нейтральных в угрожающие, из простого насилия в терроризм проходит закономерные стадии.

Основная заслуга в этой области принадлежит Копенгагенской школе, занимающейся критическим исследованием проблем безопасности, наиболее яркими представителями которой стали американский ученый Барри Бузан и его датские коллеги Оле Вэвер и Яап де Вильде. Согласно разработанной ими концепции [8] на первом этапе тот или иной объект начинает осознаваться и рассматриваться в качестве угрозы, на следующем — он переносится в политический дискурс и институционально утверждается в качестве угрозы безопасности, т. е. (в их терминологии) *секьюритизируется*. Причем речь может идти не только о военной безопасности, но и об экономической, экологической и др. Авторы отошли от государствоцентричного подхода к проблемам безопасности, свойственного большей части XX в., и ввели понятие «референтный объект», т. е. тот объект, которому может угрожать нововыявленный фактор. Поначалу угрожающий фактор является неполитизированным, но постепенно превращается в предмет политического обсуждения и политических решений, в конце процесса секьюритизации он рассматривается уже как экзистенциальная угроза существованию референтного объекта. Стартуя с чьего-либо заявления о том, что тот или иной фактор представляет существенную угрозу (автором такого заявления может быть не только политический деятель или руководитель, но любой субъект, способный генерировать общественно значимый дискурс), механизм секьюритизации проходит стадию постепенного консенсуального или принудительного признания этого фактора экзистенциальной угрозой и завершается последующим включением борьбы с этим фактором в формальный политический курс государства. За годы, последовавшие после формулирования теории секьюритизации, она была уточнена [11] и дополнена [10].

Теория секьюритизации вполне применима к процессу отнесения того или иного частного явления к терроризму, и постоянные дебаты относительно правомерности расширения понятия терроризм на новые классы явлений либо, напротив, исключения некоторого класса явлений из этого понятия отражают стандартный процесс интересубъектного взаимодействия в ходе секьюритизации и десекуритизации. При этом ряд неоднозначных явлений, связанных с поспешным либо неправомерным расширением понятия «терроризм», был усилен подключением ярко выраженных политических интересов к дискурсу о терроризме. И если перипетии 2000-х гг. уже нашли свое отражение в мировой науке, то происходящий на данном этапе переход к качественно новому использованию дискурса о терроризме в политической борьбе внутри и между государствами еще только предстоит осмыслить. Наиболее оптимальным инструментом для этого представляется теория секьюритизации.

Коренное изменение общественных представлений о терроризме завершилось на рубеже XX–XXI вв., когда одновременно политические лидеры многих ведущих государств дискурсивно поставили борьбу с терроризмом во главу угла политики безопасности. По всей видимости, это в первую очередь связано с изменившимся характером проявления политического насилия и его восприятия. Общее благодушие и снижение внутривнутриполитического антагонизма

в западных странах, связанное с окончанием холодной войны и совпавшее с разгромом политических террористических организаций левого толка («Красных бригад» и др.), было постепенно разрушено использованием химического оружия в токийском метро сектой «Аум Синрикё» в 1995 г. и взрывами второй половины 90-х на улицах Парижа, после которых тематика борьбы с терроризмом прочно вошла в дискурс западных политиков.

Последовавшая за пробуждением внимания к терроризму серия атак на американские объекты по всему миру, увенчавшаяся диверсионными акциями против небоскребов в Нью-Йорке в 2001 г., спровоцировала переход Соединенных Штатов от риторики и точечного вмешательства специальными силами к массивному военному вторжению в неудобные страны, в том числе в Ирак, не имевший тогда никакого отношения к исламскому терроризму.

По мере того как руководство стран НАТО принимало риторику борьбы с терроризмом, перенимать ее стали руководители и других стран. Так, руководство Российской Федерации стало характеризовать сепаратистское движение Чеченской Республики как террористическое, хотя до того, несмотря на идущую войну, воздерживалось от такого обобщения. Нельзя исключать, что принятие руководством РФ риторики борьбы с терроризмом было во многом обусловлено необходимостью повысить степень солидарности Запада с борьбой РФ со всеми проявлениями сепаратизма или бандитизма на Северном Кавказе, убедив западное руководство и западного обывателя в наличии общих проблем.

Верен ли расширительный подход к пониманию терроризма и не несет ли он самостоятельных угроз?

Артикулирование этой проблемы уже относится к началу XXI в. и связано с теми военными мерами, которые применялись США для ликвидации суверенитета стран, объявленных спонсорами терроризма (Афганистана, Ирака). Так, например, в работе Дидье Биго [7], вышедшей по свежим следам атаки на башни-близнецы в Нью-Йорке и рассылок писем со спорами сибирской язвы, осторожно поднимаются вопросы о том, как без достаточных оснований державы начинают вести такую политику, будто уже четко знают виновных и при этом готовы принимать к тем, кто объявлен виновными, неограниченные меры воздействия. В это же время в публицистике выходит целый ряд конспирологических концепций, обвинявших спецслужбы США в потворстве осуществленным диверсиям, имевшем целью предоставление повода для изменения внутренней политики США и ужесточения внешней.

Два года спустя в препринте Дэниэла Херадштейта и Дэвида Пуга [9] было исследовано изменение понятия «терроризм» за короткий период, непосредственно предшествовавший публикации. Авторы заметили, что расширилось риторическое распространение слова «терроризм» на явления, которые до того было принято именовать партизанскими движениями, сепаратизмом, гражданской войной, вооруженным сопротивлением и другими формами политического насилия. Пользуясь тем, что безопасность является в сознании общества чрезвычайно важной ценностью, ради которой оно готово идти на многие

жертвы, действующие власти самых разных стран укрепляют свою собственную легитимность через делегитимацию любых оппонентов, бросающих вызов их власти, а этого проще всего достичь, переведя политическое несогласие в разряд «криминального» действия, с которым правительство «по определению» обязано бороться. В целом ряде случаев это приводит к всплеску насилия правительства над гражданами, превышающего то насилие, с которым правительство якобы борется. Если в XIX в. слово «террор» означало большей частью насилие правительства над гражданами или диссидентскими группами, то в последнее время его стали относить к любому вооруженному сопротивлению тому актору, который использует риторику о терроризме, даже когда это сопротивление отвечает конвенциям о правилах ведения войны. В рамках же международных отношений терроризм становится ярлыком, крайней делегитимизирующей технологией, которая может быть использована для мобилизации населения наиболее развитых стран, чтобы поддержать координируемые меры подавления любого сопротивления новому мировому порядку.

Десятилетие с лишним, последовавшее после выхода перечисленных работ, подтвердило оправданность опасений авторов. Пример разрушения Ирака и огромных жертв этой страны, последовавших после агрессии США и союзников, оправдываемой якобы террористическими намерениями руководства Ирака, примеры бесчеловечного обращения с узниками Гуантанамо, примеры секретных тюрем ЦРУ по всему миру свидетельствуют о том, что пренебрежение элементарными правовыми нормами в условиях объявленной «борьбы с терроризмом» может привести к массовым нарушениям прав человека и беззакониям, сравнимым с самим терроризмом. Дополнительным негативным результатом причисления к террористам любых вооруженных противников является то, что сами противники, уже не боящиеся дополнительного очернения, начинают вести себя в соответствии с предписанной им ролью террористов, то есть прибегать к практике устрашения населения и государственных органов насильственными акциями с целью добиться от них нужных решений и действий или отказа от принятия каких-либо решений и выполнения определенных действий.

Известным примером неправомерного расширения понятия «терроризм» на явление, не имеющее ничего общего с терроризмом, является начало «анти-террористической операции» (АТО) на Украине, предпринятой как карательная акция в наказание противников февральского переворота 2014 г. в Киеве, многие из которых желали перехода юго-восточных регионов бывшей территории УССР под юрисдикцию РФ. Массированное использование тяжелого вооружения с тысячами жертв, бессудные расправы, тысячи политзаключенных и другие меры открытого террора представлены украинской пропагандой как неизбежные и необходимые издержки для предотвращения еще большей беды. Терроризм стал универсальным жупелом, используемым властями различных государств для обозначения абсолютно неприемлемого зла, в борьбе с которым допустимы и позволительны любые репрессии и другие меры, оборачиваемые обычно против политических оппонентов, включая сам террор.

К сожалению, приходится констатировать, что многолетнее нагнетание эмоционального восприятия терроризма приводит к потере рациональности, выходящей далеко за рамки простого преследования политических оппонентов (которое само по себе является обычно осмысленным, рациональным действием). Так, после принятия в июле 2016 г. так называемого пакета Яровой [1; 2] выяснилось, что оборудования, необходимого для хранения данных, которого закон требует от операторов связи, нет не только в России, но и во всем мире [4]. Из этого следует, что попытка практической реализации любой ценой тех методов борьбы с терроризмом, которые установлены данными законодательными актами, вполне может привести к критическому разрушению функциональности государственных структур РФ, превышающему результат от воздействия самих по себе террористических актов.

По нашему мнению, наиболее адекватное описание процессов, связанных с расширительным толкованием терроризма, нагнетанием общественной истерии вокруг этого явления и сбоями государственного механизма реагирования на терроризм, дает теория секьюритизации, при условии тщательного исследования интересов, задействованных в процессе субъектных интересов. Наряду с реально-практическим уровнем безопасности не менее важным является дискурсивный — тот, который используется властью (или, шире, теми, кто устанавливает в обществе повестку дня) для оправдания своей политики, ужесточения порядка и др. Именно дискурсивное включение того или иного феномена в число угроз безопасности позволяет затем включить нужные меры для действительного или мнимого обеспечения безопасности. При определении политики важным становится не то, насколько та или иная угроза реальна и существенна, а то, как она используется в правительственной и общественной риторике и какие действия вытекают из ее обсуждения.

В то же время говорить об общественной неоптимальности такого положения дел, при котором общество руководствуется не реальностью, а своим представлением о ней, некорректно, поскольку именно такое положение дел является естественным и нормальным в любую историческую эпоху. Человеку свойственно действовать не в соответствии с объективной реальностью, а в соответствии с его представлениями о ней. Рефлексируя над ошибками, человек улучшает свое представление о реальности на более верное в данном практическом контексте и т. д. Проблема заключается не в том, чтобы добиться абсолютно точного соответствия нашего понимания терроризма реальной угрозе, которую представляют его проявления, и безупречных мер для нейтрализации этих угроз, а в построении стабильно работающего адекватного механизма оценки угроз и принятия решений о них, соблюдающего интересы государства и общества, права и свободы человека.

В настоящий момент продолжается интенсивный процесс универсализации терроризма. От одной из угроз безопасности государства, пусть и ведущей, терроризм приобретает вес единой, тотальной, универсальной угрозы. Этому способствуют участвовавшие случаи террористических атак, ставшие

из единичных шокирующих случаев 1999–2000 гг. частью повседневной практики. Умножение терактов привело к разрастанию борьбы с терроризмом на внутригосударственном и международном уровнях. Так, терроризм превращается в основной объект международного сотрудничества, и уже в новой концепции внешней политики РФ [3] утверждается необходимость формирования общего фронта по борьбе с терроризмом. Однако существует и обратная связь: разрастание борьбы с терроризмом, сопровождающееся дискурсивным поднятием важности этой борьбы на невиданный ранее уровень, способствует увеличению популярности терроризма как способа борьбы с существующими порядками в условиях объективно сохраняющихся противоречий. Наиболее ярким примером этой неожиданной связи стало появление ИГИЛ, спровоцированное многолетней «борьбой с терроризмом» в Ираке.

Насколько бесконечна спираль ужесточения репрессий под предлогом борьбы с терроризмом и разрастания самого терроризма в ответ на ужесточение репрессий и повышение популярности терроризма? Ответ на этот вопрос будет дан практикой, но по всем признакам существует некий предел, когда общество перестает реагировать на теракты как на раздражители и шокирующие моменты, оправдывающие любые репрессии. Участвовавшие теракты в современной Франции окончательно подорвали доверие к президенту Олланду. Государственная политика, не дающая результатов, в итоге теряет тот карт-бланш, который выдавался власти обществом на борьбу с терроризмом ради безопасности. Общество обращает свой гнев на государство, оказавшееся неспособным обеспечить безопасность, а не на самих террористов. Так, политика неограниченного приема мигрантов в Европе уже начинает считаться большей причиной терроризма, чем сами террористы, а стандартные меры борьбы с терроризмом — совершенно неадекватным ответом, не относящимся к основной причине явления.

Любые прогнозы о специфике будущего общества, в котором релевантность государственного дискурса борьбы с террором будет девальвирована, должны быть крайне осторожными, поскольку различные страны будут выбирать разные стратегии выхода из нынешнего тупика. Если события пойдут по этому опасному руслу, то главным вопросом для каждой страны станет уже не стратегия борьбы с террором, а стратегия реконструкции общественной жизни и элементарного правопорядка в «посттеррористической» реальности, в которой прежние инструменты обеспечения безопасности либо полностью потеряют свою эффективность, либо станут общественно неприемлемыми.

Литература

1. Федеральный закон от 06.07.2016 № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 07.07.2016).

2. Федеральный закон от 06.07.2016 № 375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 07.07.2016).

3. Указ Президента Российской Федерации от 30.11.2016 № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 49. Ст. 6886.

4. Достаточного количества оборудования для исполнения «закона Яровой» нет даже за рубежом, сообщили в МЭР // Информационный интернет-ресурс «NEWSru.com». URL: <http://newsru.com/russia/14jul2016/zakonyarovoy.html> (дата обращения: 21.07.2016).

5. *Задорожная И.В.* Криминологическая характеристика терроризма в системе современного преступного насилия: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 205 с.

6. *Назаркин М.В.* Криминологическая характеристика и предупреждение терроризма: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. 197 с.

7. *Bigo D.* La voie militaire de la «guerre au terrorisme» et ses enjeux // *Cultures & Conflicts*. 2001. № 44. P. 5–18.

8. *Buzan B.G., Woever O., de Wilde J.* Security. A New Framework for Analysis. Boulder: Lynne Rienner Publishers. 1998. 239 p.

9. *Heradstveit D. Pugh D.C.* The Rhetoric of Hegemony. How the extended definition of terrorism redefines international relations. Oslo: Norsk Utenrikspolitisk Institutt. 2003. № 649. P. 1–17.

10. *Knudsen O.* Post-Copenhagen Security Studies: Desecuritizing Securitization // *Security Dialogue*. 2001. Vol. 32. № 3. P. 355–368.

11. *Stritzel H.* Towards a Theory of Securitization: Copenhagen and Beyond // *European Journal of International Relations*. 2007. № 13. P. 357–383.

Literatura

1. Federal'nyj zakon ot 06.07.2016 № 374-FZ «O vnesenii izmenenij v Federal'ny'j zakon «O protivodejstvii terrorizmu» i otdel'ny'e zakonodatel'ny'e akty' Rossijskoj Federacii v chasti ustanovleniya dopolnitel'ny'x mer protivodejstviya terrorizmu i obespecheniya obshhestvennoj bezopasnosti» // Oficial'ny'j internet-portal pravovoj informacii. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (data obrashheniya: 07.07.2016).

2. Federal'ny'j zakon ot 06.07.2016 № 375-FZ «O vnesenii izmenenij v Ugolovny'j kodeks Rossijskoj Federacii i Ugolovno-processual'ny'j kodeks Rossijskoj Federacii v chasti ustanovleniya dopolnitel'ny'x mer protivodejstviya terrorizmu i obespecheniya obshhestvennoj bezopasnosti» // Oficial'ny'j internet-portal pravovoj informacii. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (data obrashheniya: 07.07.2016).

3. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 30.11.2016 № 640 «Ob utverzhdenii Konceptcii vneshnej politiki Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2016. № 49. St. 6886.

4. Dostatochnogo kolichestva oborudovaniya dlya ispolneniya «zakona Yarovoj» net dazhe za rubezhom, soobshhili v ME'R // Informacionny'j internet-resurs «NEWSru.com». URL: <http://newsru.com/russia/14jul2016/zakonyarovoy.html> (data obrashheniya: 21.07.2016).

5. *Zadorozhnaya I.V.* Kriminologicheskaya xarakteristika terrorizma v sisteme sovremennogo prestupnogo nasiliya: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2001. 205 s.

6. *Nazarkin M.V.* Kriminologicheskaya xarakteristika i preduprezhdenie terrorizma: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 1998. 197 s.

7. *Bigo D.* La voie militaire de la «guerre au terrorisme» et ses enjeux // *Cultures & Conflicts*. 2001. № 44. P. 5–18.

8. *Buzan B.G., Woever O., de Wilde J.* *Security. A New Framework for Analysis*. Boulder: Lynne Rienner Publishers. 1998. 239 p.

9. *Heradstveit D.* Pugh D.C. *The Rhetoric of Hegemony. How the extended definition of terrorism redefines international relations*. Oslo: Norsk Utenrikspolitisk Institutt. 2003. № 649. P. 1–17.

10. *Knudsen O.* *Post-Copenhagen Security Studies: Desecuritizing Securitization // Security Dialogue*. 2001. Vol. 32. № 3. P. 355–368.

11. *Stritzel H.* *Towards a Theory of Securitization: Copenhagen and Beyond // European Journal of International Relations*. 2007. № 13. P. 357–383.

M. I. Lavitskaya,

S. V. Timofeev,

O.V. Efremova

**The Discourse on Terrorism in the Modern World:
an Analysis from the Point of View of the Securitization Theory**

On the basis of the securitization theory the features of the discursive construction process of the threat of terrorism in the modern world are analyzed. The authors came to the conclusion that the expansionary trend in the definition of terrorism arises from the influence of the interests of government or groups controlling public discourse and eager to simplify the work against the possible threats to their status through illegal attaching any serious threats to terroristic and legitimization of repressive measures against them.

Keywords: terrorism; security; discourse; theory of securitization.